

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
РОССИЙСКОЕ ПАЛЕСТИНСКОЕ ОБЩЕСТВО

ПАЛЕСТИНСКИЙ СБОРНИК

ВЫПУСК
21 (84)

БЛИЖНИЙ ВОСТОК
И ИРАН

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ЛЕНИНГРАД • 1970

ГЛАГОЛЬНЫЕ ОКОНЧАНИЯ В ХОРАСАНСКОМ КУРМАНДЖИ (Диахроническая направленность вариантов)

В предлагаемой статье приводятся дополнительные иллюстрации и соображения к предыдущей работе автора.¹ Продолжается выяснение вопроса, в какой мере синхронический срез языка и обнаруживаемая в его пределах вариантность дают возможность судить о направлении языковых изменений, иначе говоря — как располагаются варианты языковой единицы диахронически, какова структура диахронического лимита. Отобраны только те факты, которые не освещены или принципиально иным образом истолкованы в предшествующих исследованиях.² Разбор строится главным образом на материале учебных пособий, изданных Г. Г. Пехлеви в начале 30-х годов в Ашхабаде на хорасанском курманджи (в дальнейшем собирательно: Pehlewî),³ и записей фольклора, сделанных нами в 1936 г. у курдов Туркмении, большей частью у жителя селения Фирюза Азиза Ходжамамедова (в дальнейшем: Ezîz).

Ряд морфонетических вариантов возникает на почве близости фонем *i*, *ê*, на их способности чередоваться в определенных условиях.

В сопоставлении с говором курдов Армении выделяется исход *ê* в окончании 1-го л. мн. ч. *-inê* (не совпадающем, таким образом, с общим окончанием 2-го и 3-го л. *-in*).⁴ У Pehlewî — также редко реализуемый фонетический вариант с конечным *i* вм. *ê*: *Em her ro ta saetê 12-de dexwîninê. Le her dem hilgirt'inek verdekevinê ortê hewalîyê*

¹ И. И. Цукерман. Вариантность как диахронический лимит языковой системы. Палест. сборник, вып. 19 (82), 1969 (в дальнейшем — Вариантность), стр. 56—68.

² W. Ivanow. Notes on Khorasani Kurdish. Journal and Proceedings, Asiatic Society of Bengal (New Series), vol. XXIII, 1927, N 1, pp. 167—236; В. С. Соколов. Очерки по фонетике иранских языков, I. М.—Л., 1953, стр. 78—103 (Курдский язык); Ч. Х. Бакаев. Говор курдов Туркмении. 1962. В дальнейшем иллюстрации из текстов Ч. Х. Бакаева помечены буквой „Б“, после которой указана страница книги.

³ См. Вариантность, стр. 57 и сл., стр. 64, сноска 23.

⁴ Ср. специальное окончание 1-го л. мн. ч. *-în*, отличное от общего окончания 2-го и 3-го л. мн. ч. *-in*, в ряде говоров северного и южного наречия курдского языка, исследованных Д. Н. Маккензи (D. N. Mackenzie. Kurdish dialect studies, I. London, 1961, §§ 208, 211, 283, 286).

mek't'ewê we delîzinê (P3. 4)⁵ 'Мы ежедневно занимаемся до 12 часов. Каждый перерыв мы выходим на школьный двор и играем'; *Her yêk je me wan toxmana pakize kirinê we le goldanan çandinê we goldanan ji le p'aş şûşê, wer royê daninê* (P2. 122) 'Мы все очистили эти семена, посадили их в цветочные горшки, а горшки поставили на окно, на солнце'; *Em ders dexwîninî* (P1. 80) 'Мы учимся'.

Ср. чередование вариантов *-inê/-inî* для одного и того же глагола: *Îro zaninê ki sowe çiqes kar dek'inê* (P3. 5) 'Сегодня мы знаем, сколько завтра мы будем работать'; *Em tertîwê mek't'ewê xe zaninî* (P3. 4) 'Мы соблюдаем школьный распорядок'.

Вариант с конечным *i* в известных нам случаях возникает (факультативно) во втором заударном слоге. Следовательно: *-inê / > -inî*.

Наличие особого и вполне устойчивого показателя 1-го л. мн. ч. *-inê* (*-inî*) не должно вызывать сомнений. В текстах Pehlewî и Ezîz'a не отмечен ни один случай опущения конечного *ê* в *-inê*. Тексты, записанные Ч. Х. Бакаевым, также подтверждают окончание *-inê*. Мы полагаем, что в тех случаях, когда для 1-го л. мн. ч. конечное *ê* отсутствует, форма просто дефектна. Ср.: *Em pêz dedoşinê, şîrê xwe meya ðekinê, ðekinê qatix, paşê qitix ðekinê meşkê, dek'ênê, rûn heltinênê jennaw dew. Dew heltinînê, ðekinê toraq. Em je şîr ðekinê p'endir. Em p'endir ðekin* (вм. *ðekinê*) *t'ike-t'ike, ðebîrînê, je wê xwê ðekinê, ðekinê.naw p'ostan* (Б. 157) 'Мы доим овец, квасим молоко, делаем из него кислое молоко, затем кислое молоко наливаем в маслобойку, сбиваем, вынимаем масло из пахтанья. Вынимаем пахтанье и делаем из него творог. Мы из молока делаем сыр. Сыр мы нарезаем на куски, после этого солим и кладем в бурдюки'.

Для 3-го л. ед. ч. исходным несомненно является окончание *-i*, но не *-e* (см. ниже). У Pehlewî — также редкий фонетический вариант *-ê*. *Eger gor rû we min bêwî, we wî şîva werre we serî wida lê dexim, ta can bikişî* (P3. 5) 'Если мне попадет волк, я его вот этой палкой так стукну по голове, что он испустит дух'; *Moxtêr dest'êde xe direj dek'ir ki hîvê bigiri* (P3. 29) 'Мохтар протягивал руки, чтобы схватить луну'; *Ferhad pir kitawê xe dexazê. Ew to wext'i kitawê xe je dest xe danayni* (P2. 4) 'Фархад очень любит свою книгу. Он ее из рук не выпускает'.

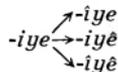
Ср. чередование вариантов *-i / > -ê* для одного и того же глагола: *dewi / > dewê*; *Mehzi wîyan rişê dêr hişk' dewî, we dar we xe jî telef dewî* (P3. 31) 'Поэтому корень дерева засыхает, а само дерево погибает'; *Wextê ders teva dewê, her kesek wedegeriye malê xe* (P3. 4) 'Когда учеба кончается, все направляются домой'.

Другие морфонетические варианты являются следствием „палатализирующего“ действия вставочного *y*, обуславливающего переходы *i > i̇, e > ė*.

⁵ Иллюстрации взяты из следующих пособий: G. G. Pehlewî: 1) Elêfbayê k'ormancî. Sewa xizanan, Işqabad, 1933 (P1); 2) Kitawê qeraetê. Sewa mek't'ewê ibtedaf. Salê ewel, Işqabad, 1934 (P2); 3) Kitawê xandinê. Bolekê dowwom. Salê 2-m, Eşqabad, 1934 (P3). После ссылки указывается страница книги, откуда заимствован пример.

Так, исход формы 3-го л. ед. ч. перфекта дает серию вариантов *-iye* / *-iye* / *-iyê* / *-iyê*, наиболее часто — *-iye* / > *-iyê*. Ср.: *T'e nik'a kit'aw we rûzname xandinê hêvisiye* (P2. 24) 'Ты теперь научилась читать книги и газеты'; *Cûcekêrpi le wi hêllinê xeyi qîç'ç'ik ki je şiv o belkan çê kiriyê, zivist'anê ret' dek'e* (P2. 48) 'В этом своем гнезде, которое сделано из веточек и листьев, черепаха проводит зиму'.

Единой форме настоящего-будущего времени (*dekevim* 'падаю = упаду') противопоставлена форма настоящего сильного (*dekevime* 'падаю'). В морфологическом плане ее можно представить как своеобразный перфект настоящего времени, состоящий из перфектной настоящей основы *-kevi-*, префикса длительности *de-* (вытесняемого префиксом отрицания *na-*) и окончаний, копирующих спрягаемые формы предикативной связки в ее гласном варианте: 1. *de+kevi+me*, 2. *de+kevi* (< **de+kevi+yi*), 3. *de+kevi+ye* / *de+kevi+ye* / *de+kevi+yê* / *de+kevi+yê*, 1 мн. *de+kevi+nê*, 2 мн., 3 мн. *de+kevi+ne*.⁶ В плане нашего изложения привлекает внимание исход формы 3-го л. ед. ч., диахронический лимит которого может быть изображен так:

*Kişmiş şirîne, emma doç le gewriyê yekê demînîyê (demînîye)*⁷ 'Кишмиш-то сладок, да веточка застревает в горле' (Пословица).

С формой настоящего сильного омонимически совпадает препозитивная форма глагола⁸ в настояще-будущем времени,⁹ в частности форма 3-го л. ед. ч., представленная вариантами *dekeviye* / *dekeviye* / *dekeviyê* / *dekeviyê* / *dekevuye* / *dekevuyê*. *Emma Qêyser qet' mayil newû ki t'ê keviye ortê wi mali* (P2.39) 'Однако Кейсар вовсе не намерен был залезть в этот дом'; *Her k'orasek' ki t'êye dirûn, je dest 5-6 neferan ret' dewi, ta ki dewiye k'orasê hazir* (P2. 103) 'Каждая рубаха, которую шьют, проходит через 5—6 человек, пока она не превратится в готовую рубаху'; *Mehzi wi ew k'ê demînîyê girê* (P2. 42) 'Поэтому она [лиса] редко попадается'; *Ew çiyê ki eger nepêji, dewiye mirîşk, ca eger bip'êji, dewiyê xorak'ek' do rengo?* (P1. 84) 'Что это такое: если не сварить, станет курицей, если же сварить, станет едой в два цвета?' (Загадка); *Eger le darek' miwêk' şirin bêwye din, mêymûnan kolli berefi wê dewin* (P2. 63) 'Если на каком-либо дереве попадается сладкий плод, все обезьяны собираются туда'.

⁶ По-видимому, возможна и иная, более простая формула строения настоящего сильного (перфекта настоящего времени), по которой эта форма образуется осложнением окончаний форм настоящего-будущего времени показателем *-e/-ye/-yê*: *de+kevi+im+e* и т. д. Однако базируясь на таком разборе, невозможно было бы удовлетворительно объяснить формы 2-го л. ед. ч. *dekevi* и 1-го л. мн. ч. *dekevinê*, не подвергаемые, очевидно, никаким осложнениям.

⁷ Отсутствие пометы указывает на неспортизованные материалы автора.

⁸ Т. е. особая глагольная форма, возникающая в сочетаниях, которые состоят из глагола и стоящего после него имени: *têne mal* 'идут домой'.

⁹ Это совпадение чисто внешнее, оно не касается ни морфологического состава, ни тем более функции омоформ.

И, наконец, нижеследующая иллюстрация дает представление о вариантности, возникающей и развертывающейся в пределах морфологии.

Для окончаний, включающих в свой состав передне-смешанный редуцированный гласный *-i*, представляется возможным выделить морфологический вариант с переднеязычным открытым *-e* взамен *i*, именно: 1-е л. ед. ч. *-em* (*/-im*), 1-е л. мн. ч. *-enê* (*/-inê*), 2-е и 3-е л. мн. ч. *-en* (*/-in*). Вариант этот реализуется в составе форм, образованных от настоящей основы ограниченного числа глаголов: *kirin* 'делать' (*dekem / dekim* 'делаю'), *dan* 'давать' (*dedem / dedim*), *birin* 'брать, уносить' (*dewem / dewim*), *xistin* 'ударять' (*dexem / dexim*) — и на несколько других основаниях — глаголов *xwarin* 'есть' (*dexwem / dexwim* и также *dexom*), *çûn* 'уходить' (супплетивная основа *-her-*: *terem / terim*), *hatin* 'приходить' (супплетивные основы *-êw-* и *wer-*: *bêwem / bêwim* 'приду', *weren / werin* 'пойдите').

Эти же глаголы *kirin*, *dan* и т. д. выделяются и другим признаком — окончанием (исходом формы) 3-го л. ед. ч. (и пов. накл. ед. ч.) *-e*, которое не чередуется вовсе (или, может быть, очень редко чередуется) с окончанием *-i*: *deke*, *bike*; *dede*, *bide* и т. д. Альтернативные варианты в виде *deki*, *biki*; *dedi*, *bidi* нами не отмечены.

Формы *dekem / dekim*; *dedem / dedim* и т. д., с одной стороны, и формы *deke*, *dede* и т. д., с другой, образуют, разумеется, закономерное единство. Можно полагать (во всяком случае для глаголов *kirin*, *dan*, *birin*, *xistin* и, возможно, других), что в составе варианта *dekem*, *dedem* и т. д. произошел процесс переразложения — перемещения конечного *e* настоящей основы в окончания (*de+ke+m > de+k+em*) и тем самым переход из гласного спряжения в согласное. В той мере, в какой этот процесс завершен, формы *dekem*, *dedem* и т. д. свободно чередуются с формами *dekim*, *dedim*, возникающими, очевидно, по аналогии с соответствующими формами всех других глаголов согласного спряжения (ср. *de+ke+v+im* 'падаю').

Таким образом, здесь можно видеть 'двухступенчатый процесс, протекающий целиком в пределах морфологии: *de+ke+m > de+k+em* и *de+k+em > de+k+im*.¹⁰

Если наши рассуждения верны, то формы 3-го л. ед. ч. (и пов. накл. ед. ч.) мы застаем на первом этапе их преобразования (*de+ke- > de+k+e*), который протекает скрыто, поскольку второй (явный) этап процесса (замена окончания *-e* окончанием *-i* по аналогии: *deke > deki*), по-видимому, не реализуется вовсе (см. ниже).

Формы с начальным *-e* в окончаниях распределены неравномерно во многих отношениях. Они по-разному распределены у разных авторов (информантов), для разных глаголов и для разных форм одного и того же глагола. В целом у Pehlewî процесс *dekem > dekim* зашел дальше, чем у Ezîz'a.

¹⁰ Вполне возможные старые формы 2-го л. ед. ч. *de+ke+y | > de+kê+y (> de+k+i)* 'делаешь', *de+de+y | > de+dê+y (> de+d+i)* 'даешь' нам, однако, в хорасанском курманджи не встретились. Именно это обстоятельство дает нам основание выделять в переходе *de+ke+m > de+k+im* момент *de+k+em* (см. ниже парадигму).

Так у Ezîz'a для глаголов *kirin* и *dan* явно преобладают формы с окончанием на *-e* (*dekem, dedem; dekenê, dedenê; deken, deden*), но встречаются эпизодически и формы на *-i* (*dekim, dedim* и т. д.). Напротив, Pehlewî предпочитает для этих глаголов окончания на *-i* (*dekim, dedim* и т. д.), хотя и формы *dekem, dedem* ему отнюдь не чужды. Однако в тех и других текстах для 3-го л. ед. ч. (и пов. накл. ед. ч.), как указывалось, употреблены только формы с окончанием (исходом) *-e*, но не *-i*: *deke, bike; dede, bide. Ez wan nas dekem* (Ezîz) 'Я их знаю'; *Were em xwêyê xwe we wî lawika denê* (Ezîz) 'Давайте отдадим свою сестру этому юноше'; *Çerre hereket dek'e — aram terre, ya baz dede?* (P2. 46) 'Как он передвигается — тихо ходит или скачет?'

Ср. у Pehlewî в одном тексте (P2.87): *Em komegê dedenê kolhozçiyân | Em komegan dedinê kolhozçiyân* 'Мы оказываем помощь колхозникам'.

В текстах Ezîz'a можно выделить полный комплект форм, образованных от настоящей основы глагола *birin* 'взять, уносить' с окончаниями на *-e*, не чередующимися с окончаниями на *-i*: *dewem, dewen, dewenê* и т. д. У Pehlewî для этого глагола тоже превалируют формы с окончаниями на *-e*. Ср.: *Ez nik'om barê xe bûwem, ca barê t'e çerre bûwem!* (P3.24) 'Я и свой-то груз не в состоянии нести, как же я понесу еще и твой груз!'

Примерно такое же соотношение форм установлено и для глагола *xwarin* 'есть' (*dexwem, doxwenê* и т. д.), с тем, однако, отличием, что форме *dûxe* у Pehlewî противостоят все другие формы, образуемые от основы *-xo-* (*de+xo+m* и т. д.): *Bigurun, we kewaw kenê, bixwenê* (Ezîz) 'Снимите шкуру, сделаем жаркое и поедем'; *Le kerê xwe niş-tiye, hewla xwe dexwe* 'Сидит на осле и ест халву' (Пословица).

У Ezîz'a явно преобладают формы *terem, teren; herem, heren* и т. д. для глагола *çûn* 'уходить'; отмечена форма *weren* для глагола *hatin* 'приходить', тогда как у Pehlewî для этих глаголов засвидетельствованы только формы *terim, herim, werin* и т. д. И опять-таки в тех и других текстах зарегистрированы только формы настоящего времени, конъюнктива и повелительного наклонения *here, were*, хотя и варианты с окончанием *-i* (*teri, heri*) в этом случае, как нам кажется, не исключены (как и чередование *bêwê/bêwi*). *Rind ki we wa gera we mira got, ez nika terem* (Ezîz) 'Хорошо, что вы мне это сказали, теперь я пойду'; *Her kuda herin, hilinin, buwen we xwera* (Ezîz) 'Куда бы вы ни отправились, возьмите ее с собой'; *Eger we di ki le siwê mi kiriye tutun, weren* (Ezîz) 'Как увидите утром, что я задымил, так приходите'; *Moxtar-can, xew t'e degiri, mêwê* (P3.28) 'Мохтар-джан, не ходи, тебя сон разберет'.

Единичные примеры обнаружены у Pehlewî для 3-го л. ед. ч. наст. вр. глагола *xistin* 'ударять' (*dexe*).

Что касается текстов Ч. Х. Бакаева, то в них чередование *-em/-im* и т. д. полностью снято в пользу форм с начальным *-i* (*dekim, dedim*

и т. д.), как это имеет место в говоре курдов Армении.¹¹ Отголоски описываемого процесса мы можем все же обнаружить, по-видимому, в том, что формы 3-го л. ед. ч. *deke*, *dede*, *tere* и т. д. в текстах Ч. Х. Бакаева тоже не чередуются с формами *deki*, *dedi* и т. д., тогда как для глаголов вне выделенной выше группы такое чередование возможно; ср. *depêje* / *depêji* 'печет'.

Приведенный материал достаточно сложен. Он может показаться даже хаотическим до тех пор, пока не установлен характер конкурирующих вариантов (*de+ke+m* / *de+k+em* / *de+k+im*) и тем самым направление изменений в этом пункте системы (*dekem* > *dekim*). Дает ли, однако, индивидуальная языковая система Eziz'a или Pehlewî, отраженная в принадлежащих им текстах, достаточно полное представление об этом процессе? Методологически, как нам представляется, ответ может быть только положительным, хотя практически разрешение такого вопроса может столкнуться с ограниченностью текста и невозможностью эксперимента. В нашем конкретном случае четкая лексическая и грамматическая ограниченность чередования *-em* / *-im* и т. д., реализуемого только в пределах форм, образованных от настоящей основы определенной группы глаголов, неизбежно приводит в область морфологии. И если бы нам и неизвестны были факты других диалектов,¹² все же можно было бы на очень ярком материале Eziz'a и Pehlewî построить схему *de+ke+m* / > *de+k+em* / > *de+k+im*, по крайней мере для глаголов *kirin*, *dan*, *birin*.

Таким образом, в хорасанском курманджи обнаруживается смешанная (гласно-согласная) и тем самым неустойчивая парадигма не только для глагола *xwarin*,¹³ но и для глаголов *kirin*, *dan*, *birin* и, возможно, других. Ср.:

1. <i>de+ke+m</i>	<i>de+k+em</i>	<i>de+kê+nê</i>	<i>de+k+enê</i>
	<i>de+k+im</i>		<i>de+k+inê</i>
2.	<i>de+k+i</i>	<i>de+ke+n</i>	<i>de+k+en</i>
			<i>de+k+in</i>
3. <i>de+ke</i>	<i>de+k+e</i>	<i>de+ke+n</i>	<i>de+k+en</i>
			<i>de+k+in</i>

¹¹ Ср., впрочем, отмеченный нами в текстах случай: *were êzik hûr ke, ez arek tadem* (Б.150) 'Иди наколи дров, а я разведу огонь'.

¹² Ср. строго согласуемые с диахроническим лимитом хорасанского курманджи (*dekem* / > *dekim*, *dedem* / > *dedim* и т. д.) данные Д. Н. Маккензи по иракским говорам южнокурдского и северокурдского наречий. Именно для глаголов *kirdin* (*kirin*), *dan*, *birdin* (*birin*), *xistin* установлены настоящие основы с гласным исходом *-e*: *-ke-*, *-de-*, *-be(r)-* / *-we*, *-xe-*. См.: D. N. Mackenzie. *Kurdish dialect studies*, I, pp. 226—240 (List of verbs).

¹³ См.: Вариантность, стр. 58 и сл. Ср. смешанную (гласно-согласную) парадигму для глагола *xarin* по текстам Pehlewî:

1. <i>dexom</i>	<i>dexonê</i>
2. <i>dexoy</i>	<i>dexon</i>
3.	<i>dex[w]e</i> <i>dexon</i>

В говоре курдов Армении эта двойственность ликвидирована, вероятно, в результате возобладания окончаний *-im*, *-in*, с одной стороны, и окончания 3-го л. ед. ч. *-e*, с другой.¹⁴

Последняя из предложенных иллюстраций с особой наглядностью подтверждает следующий вывод. Анализ варьирующих форм *de + ke + m* / *de + k + em* / *de + k + im* и т. д., установленных в синхронической системе хорасанского курманджи и даже в пределах индивидуальной языковой системы Eziz'a или Pehlewî, дает принципиально такой же результат, как сравнение тех же явлений, представленных в северокурдских (или южнокурдских) говорах Ирака, с одной стороны (*[d]e + ke + m*), и в говоре курдов Армении, с другой (*di + k + im*). Это обусловлено тем, что синхронический пучок вариантов, локализуемый пределами одного диалекта и даже индивидуальной языковой системы, обладает одновременно и диахронической направленностью. Поэтому варианты могли реально оказаться и диалектно распределенными, и диахронически разорванными. Особенность чередующихся вариантов в сравнении с диалектно и диахронически разорванными соответствиями заключается в том, что варианты обратимы, они сосуществуют в пределах одной системы, не исключая до поры до времени один другого. Что касается в особенности вариантности индивидуальной языковой системы, то она уступает вариантности диалектной лишь количественно. Она отражает вариантность коллективную, поэтому вариантность индивидуальной системы принципиально не отличается от вариантности диалекта. То, что распределено между разными людьми или между разными периодами, может оказаться сосуществующим у одного человека.

I. I. Tsukerman

THE DIACHRONIC DIRECTION OF THE VARIANTS

In the Southern and the Northern dialects of the Kurds of Iraq the verbs *kiridin* (*kirin*) 'do, make', *dan* 'give', *birdin* (*birin*) 'take, carry', *xistin* 'strike' make up the forms of the Present tenses from a stem containing the final vowel *-e*: *-ke-*, *-de-*, *-we(r)-*, *-xe-* (cf. *[d]e + ke + m* 'I do'). In the dialect of the Kurds of Armenia stems corresponding to the above mentioned consist of one consonant only: *-k-*, *-d-*, *-b-*, *-x-* (cf. *di + k + im*).

The varying forms *dekem* / *dekim*, *dedem* / *dedim* in the dialect of the Kurds of Khorasan make it possible to reproduce the actual process of transition of the forms *de + ke + m* > *di + k + im*, viz.: 1) *de + ke + m* > *de + k + em* and 2) *de + k + em* > *de + k + im*.

¹⁴ Разумеется, после того, как *e* перестало восприниматься как гласный исход основы и превратилось, таким образом, в окончание (*de + ke* > *de + k + e*).